

Г.А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО

ЗАНЯТОСТЬ МОЛОДЕЖИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ

На основе материалов государственной статистики представлены динамические и структурные трансформации занятости молодежи в пореформенные годы, которые существенно изменили общие рамки формирования ее образовательных и профессиональных траекторий. Подробно рассматриваются динамические сдвиги в уровне экономической активности, занятости, безработицы отдельных возрастных групп; векторы реструктуризации отраслевой занятости; изменение конфигураций отраслевой занятости молодежи в сравнении со всем занятым населением; влияние образовательного состава отдельных возрастных групп на структуру профессионально-квалификационной занятости и уровень безработицы; распространенность различных форм нестандартной занятости среди молодежи.

Ключевые слова: занятость и безработица молодежи, реструктуризация отраслевой занятости, отличия отраслевой и профессионально-квалификационной занятости, возрастные группы молодежи, образовательные и профессиональные траектории молодежи.

Вступление молодежи в самостоятельную жизнь непосредственно связано с состоянием рынка труда и сферы занятости. Сложившаяся после экономических реформ российская модель рынка труда, со своим набором институтов и формами трудовых отношений, привела к уменьшению доли занятого населения и увеличению безработицы, которой наиболее сильно оказались затронуты именно молодые люди, впервые вступающие на рынок труда. Рынок труда коренным образом поменял экономическую и социальную приоритетность секторов экономики, отраслей, предприятий, профессий. Поменялись и модели получения доходов. Все это и многие другие черты российского рынка труда в совокупности существенно воздействуют на формирование образовательных и профессиональных ориентаций молодежи, на конкретные решения о выборе профессии и учебного заведения, на реальное трудоустройство. Следует учесть, что рынок труда развивается относительно автономно, и его воздействие на начало самостоятельной жизни молодежи усложняет этот процесс. Анализ особенностей занятости молодежи на базе статистических материалов стал одной из тем исследовательского проекта «Профессиональные и образовательные траектории молодежи в изменяющейся

Чередниченко Галина Анатольевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: Москва, 117218, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5.
Телефон: (499) 128–69–01. **Электронная почта:** galcher50@mail.ru

России», который осуществляется в ИС РАН отделом социологии образования на базе лонгитюдного исследования 1998–2008 гг.¹

Экономическая активность и занятость молодежи: динамические сдвиги

Экономическая активность и занятость молодежи за последнее двадцатилетие формировалась под воздействием как общих макро- и микроэкономических факторов, определявших трансформации производства и рынка труда, так и специфических особенностей постепенного включения в экономическую деятельность разных возрастных групп.

Результатом обвального спада производства в 1990-е годы, его структурных преобразований (освобождения предприятий традиционного сектора от избыточного персонала, отказа от выпуска продукции, не пользующейся спросом, и т. п.), кризиса государственного сектора (интенсивного перераспределения рабочей силы между ним и новым частным сектором) и проч. становится сокращение уровня экономической активности² и занятости³ всего населения и отдельных возрастных групп молодежи (следствием последующего сдержанного развития производства в 2000-е годы явился некоторый рост указанных показателей — см. рис. 1, 3). Одновременно динамика охвата сверстников дневным обучением в учебных заведениях разных типов предопределяла пропорции экономически активной и неактивной молодежи разного возраста в тот или иной период (см. рис. 2).

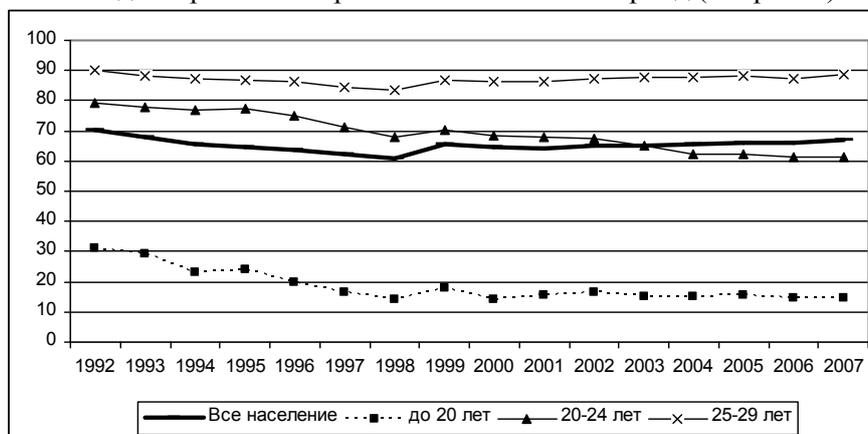

Рис. 1. Уровень экономической активности населения РФ и отдельных возрастных групп

Источники: [20, с. 6; 21, с. 35; 22, с. 35; 24, с. 37].

¹ См. результаты исследования в: [1, 7, 10, 14, 27, 28].

² Уровень экономической активности — отношение численности экономически активного населения (занятых и безработных) к общей численности населения 15–72 лет, рассчитанный в процентах.

³ Уровень занятости — отношение численности занятого населения к общей численности населения 15–72 лет, рассчитанный в процентах.

В группе «до 20 лет» уровень экономической активности наиболее интенсивно снижался в 1990-е годы (с 31,1% до 14,3% за 1992–2000 гг.) и относительно стабилизировался в 2000-е. Это происходило на фоне увеличения охвата сверстников (см. рис. 2) полным средним дневным (с 42,9% до 56,4% с 1995 по 2004 гг. и стабилизации показателя в последние годы), средним профессиональным (с 17,5% до 22,7% в период 1995 по 2006 гг.) и отчасти высшим образованием. У молодежи 20–25 лет уровень экономической активности снижался постоянно и неуклонно и в 1990-е, и в 2000-е гг. (с 79,4% в 1992 до 61,2% в 2007 г.) в результате столь же быстрого и последовательного роста охвата сверстников высшим образованием (отношение числа студентов вузов к численности населения в возрасте 17–25 лет повысилось с 14,3% в 1995 до 23,0% в 2000 г. и далее до 33,0% в 2006 г.). В группе 25–29-летних, среди которых очень незначительная часть обучалась и обучается в дневных учебных заведениях, уровень экономической активности очень близок к показателям старших и самых экономически активных групп населения (отличие от группы «40–44 года» в 3–4 процентных пункта). Его динамика полностью повторяет эволюцию этого показателя для всего населения, то есть складывается под воздействием общей для всего населения экономической конъюнктуры.

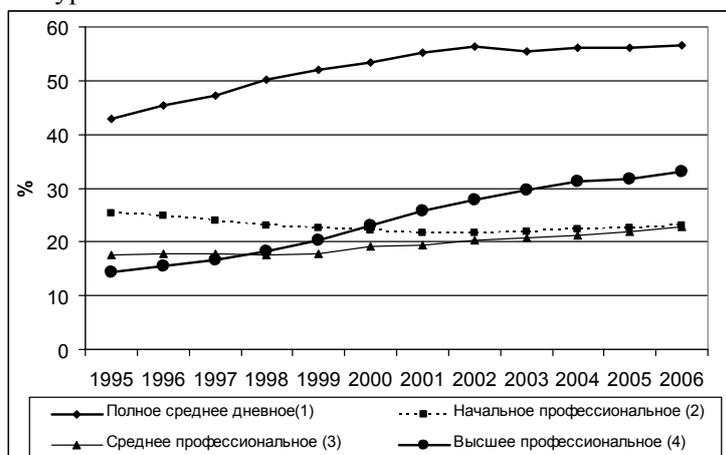

Рис. 2. Охват молодежи полным средним (дневным), начальным, средним и высшим профессиональным образованием, %

(1) Отношение численности выпускников полной средней дневной школы к числу родившихся 17 лет назад. (2) Отношение численности учащихся учреждений начального профессионального образования к численности населения в возрасте 15–17 лет. (3) Отношение численности студентов учреждений среднего профессионального образования к численности населения 15–19 лет. (4) Отношение численности студентов высших учебных заведений к численности населения в возрасте 17–25 лет.

Источники: [2, с. 133; 13, с. 302, 317, 233, 363].

Характеристика уровня занятости молодежи — динамика показателей и различия между отдельными возрастными группами — повторяет тенденции, выявленные для уровня экономической активности молодежи, поскольку определяется теми же факторами (см. рис. 3). Наиболее сильным спад уровней занятости был в 1990-е гг., при этом минимальные показатели отмечались в год кризиса — 1998-й. Его последствия сильнее затронули молодежь: в 1998 г. по сравнению с 1997 г. уровень занятости всего населения понизился на 1,9 процентных пункта, тогда как в группе «до 20 лет» — на 2,4 п.п., в группе «20–24 года» — на 5,6 п.п., а в группе «25–29 лет» — на 2,0 п.п. То есть в условиях кризиса было затруднено первое трудоустройство молодежи и особенно выпускников высших, а также средних профессиональных учебных заведений. В 2000-е гг. на фоне сдержанного роста производства уровень занятости в младшей группе («до 20 лет») относительно стабилизировался, среди 20–24-летних — снижался более медленными, чем в 1990-е гг., темпами, а в группе «25–29 лет» — возрастал, причем быстрее, чем во всем населении (с 2000 по 2007 г. соответственно на 7,1 и на 4,8 п.п.), демонстрируя, что более высокое образование дает преимущества на рынке труда.

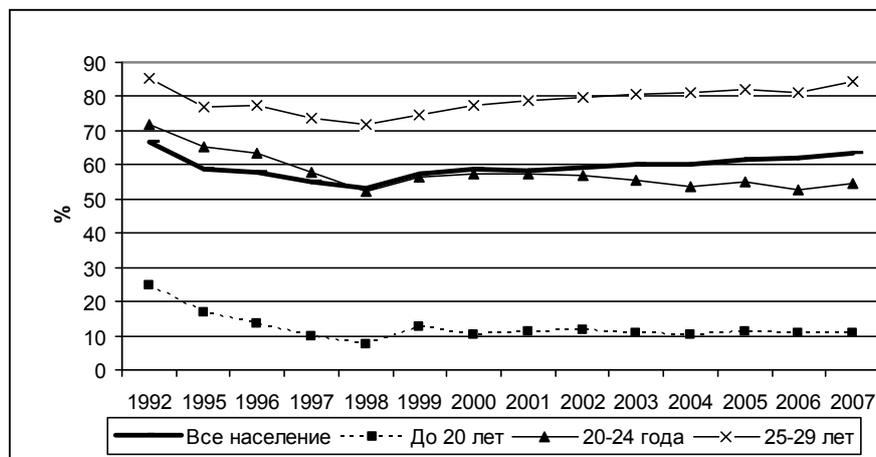

Рис. 3. Уровень занятости всего населения и отдельных возрастных групп, РФ (% от численности населения соответствующей возрастной группы)

Источники: [20, с. 7–8; 22, с. 74; 24, с. 64].

Таким образом, наиболее существенные перемены в экономической активности и занятости молодежи наряду с воздействием экономической конъюнктуры были связаны с образовательной динамикой последних 10–15 лет, которая складывалась под влиянием множества факторов. Среди них ведущим было то, что сама система профессионального (главным образом высшего) образования стала переходить

на функционирование в режиме рыночной системы и предоставлять образовательные услуги в соответствии со спросом потребителей. Самим потребителям со стороны складывающегося рынка труда шел сигнал о том, что накопление значительных образовательных ресурсов обеспечивает преимущества в заработках, повышает шансы на нахождение лучшей работы, снижает риск безработицы. Вот почему с середины 1990-х годов развитие разных ступеней системы профессионального образования шло во многом в соответствии со структурой запросов молодежи: пониженными потребностями в получении начальной профессиональной подготовки, умеренными — в отношении среднего профессионального образования и очень высокими — в отношении обучения в высшей школе. Это нашло прямое отражение в динамике численности учащихся разных уровней образования: в высшей школе абсолютное число обучающихся резко увеличилось, в системе СПО наблюдался его некоторый рост, тогда как в учреждениях начального профессионального образования оно существенно снизилось (*в сравнении с 1995 г. численность принятых в 2008 г. составила по вузам 241%, по ССУЗам — 105% и по ПУ — 64%*) [18, с. 135–137, 140].

В результате за пятнадцатилетний период очень существенно изменился уровень занятости большей части молодежи. В группе «до 20 лет» вместо четверти сверстников, имевших занятие, сегодня лишь очень небольшая — десятая — часть занята в экономике, в группе «от 20 до 25 лет» ситуация, когда большинство (почти три четверти) имели занятие, сменилась положением, когда заняты чуть больше половины. Характер занятости остался прежним лишь в старших возрастных когортах: рассматриваемый показатель в группе 25–29-летних (более четырех пятых на начало и конец периода) коррелирует в динамике с показателями уровня занятости всего населения, а по величине очень близок к показателю в старших, наиболее экономически активных, возрастных группах.

Поменялись также абсолютные и относительные масштабы отдельных возрастных групп трудящейся молодежи. В целом все имеющие занятие в возрасте до 30 лет устойчиво составляют около четверти всех занятых в экономике, также схожей в начале и конце рассматриваемого периода оказалась абсолютная численность занятой молодежи — 17 909 тыс. чел. в 1992 г. и 17 489 тыс. чел. в 2007 г. Между тем соотношение численности групп «до 20 лет», «20–24 года» и «25–29 лет» существенно изменилось: в 1992 г. оно составляло 14,3%, 38,1% и 47,6% соответственно, а к 2007 г. уже выглядело как 6,9%, 39,3% и 53,9%. Основной вектор перемен — гораздо более малочисленной стала группа самых младших (1203 тыс. чел. против 2558 тыс. чел.).

Тем самым значимо изменился общий формат образовательно-профессиональных траекторий молодежи. Учебе в очной форме посвящается все большее и большее время: у подавляющей части молодого поколения — возрастное пространство до 20 лет и примерно у половины — до 23–25 лет. Молодежь практически целиком оказывается представленной на рынке труда только после достижения в среднем возраста 25 лет.

Безработица среди молодежи: уровень, динамика, влияние образования

На возможностях трудоустройства молодежи существенным образом сказывается фактор безработицы. Как и везде в мире, в России безработных среди молодежи больше, чем среди других возрастных групп. Первый выход на рынок труда затрудняют отсутствие трудового опыта у претендентов на рабочие места, противоречивость и сложность процесса самоопределения, рассогласованность рынка образовательных услуг и рынка труда.

Доля молодежи среди безработных выше, чем удельный вес этой демографической группы в трудоспособном населении страны. Это явление устойчиво: молодые люди в возрасте 16–29 лет составляли 48,5% среди безработных и 36,5% в трудоспособном населении страны в 1992 г., и соответственно 41,2% и 38,7% в 2007 г. [13, с. 88; 17, с. 89, 143; 22, с. 161]. В результате уровень безработицы (отношение в процентах численности безработных к экономически активным) у молодежи существенно выше, чем среди всего населения (рис. 4). Этот показатель очень высок в первую очередь в младшей возрастной группе «до 20 лет» (24,0% в 2007 г.), он существенно выше среднего для всего населения (5,7%) в группе «20–24 года» (11,2%) и незначительно уступает ему в старшей возрастной группе «25–29 лет» (5,0%).

Динамика уровня безработицы трех возрастных групп молодежи в рассматриваемые 15 лет (рис. 4) в целом повторяет динамику соответствующих показателей для всего населения (причем тем точнее, чем выше возраст молодежи). С одной стороны, экономическая конъюнктура оказывает универсальное воздействие, а с другой — устойчиво сохраняются различия между отдельными возрастными группами. При этом максимальное и достаточно большое превышение уровня безработицы над средними показателями наблюдается у самых младших (что определяется не столько высокой долей ищущих работу, сколько низкой долей занятых в этих возрастах). Постоянный лаг в сторону завышения уровня безработицы у 20–24-летних отражает проблемы трудоустройства выходящих на рынок выпускников вузов и отчасти ССУЗов — отсутствие у них трудового опыта и ту временную нагрузку, которой требуют поиски работы по специальности или конвертирование знаний и квалификаций, полученных в

учебных заведениях, в те, что находят спрос на рынке труда. Практически одинаковые показатели (особенно в 2000-е годы) уровней безработицы в старшей возрастной группе молодежи и среди всего населения говорят о том, что с завершением подавляющей частью молодых людей дневного образования поиски работы и риски ее потери утрачивают свой специфически «молодежный» характер.

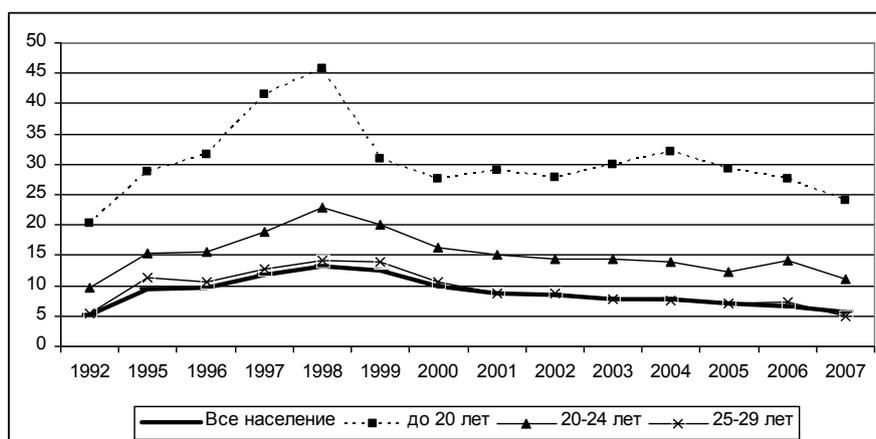

Рис. 4. Уровень безработицы всего населения и отдельных возрастных групп, РФ (в % от экономически активного населения соответствующей группы)

Источники: [22, с. 162; 30, с. 123].

Выявленные различия в уровне безработицы молодежи разного возраста прямо коррелируют с уровнем образования этих групп. Чем выше возраст, тем больше образованной молодежи, а с ростом уровня образования уровень безработицы снижается, как это демонстрируют данные, представленные в табл. 1. Необходимо учесть, что молодые безработные существенно отличаются от старших тем, что очень большая их часть ищет первую работу. Таких было в 2007 г. 74,9% среди безработных в возрасте до 20 лет, 64,4% — среди 20–24-летних и 39,6% — среди 25–29-летних [30, с. 152]. Это значит, что для двух первых групп различия в уровне образования связаны главным образом с возможностью найти первую работу, а для старшей группы — с защитой от рисков ее потерять.

Более высокий уровень образования усиливает конкурентные позиции молодых работников: во всех трех возрастных группах наблюдается обратно пропорциональная зависимость между ростом уровня образования и снижением рисков безработицы. Исключение составляет лишь малочисленная подгруппа лиц с неполным высшим образованием, где уровень безработицы в силу неопределенности их образовательного статуса выше, чем у представителей соседних подгрупп.

Схожие и очень высокие уровни безработицы практически во всех образовательных подгруппах молодежи до 20 лет объясняются особенностями расчета этого показателя, о чем говорилось выше.

Таблица 1

Уровень безработицы молодежи по возрастным группам и уровню образования и распределение молодых безработных по уровню образования, %*

Уровень образования	Уровень безработицы			Распределение безработных по уровню образования		
	До 20 лет	20–24 года	25–29 лет	До 20 лет	20–24 года	25–29 лет
Высшее	...	8,2	3,5	0,7	13,1	18,5
Неполное высшее	...	17,6	6,8	2,6	7,9	2,7
Среднее профессиональное	24,7	9,1	4,4	10,0	17,5	16,1
Начальное профессиональное	17,8	9,3	5,7	12,5	14,7	16,1
Среднее общее (полное)	27,2	16,8	10,0	48,5	35,5	33,1
Основное общее	24,6	20,6	14,0	23,0	10,3	12,1
Начальное общее, не имеют начального	30,9	24,4	22,5	3,0	1,0	1,5
Всего	24,8	12,2	6,1	100	100	100

* Данные в среднем за февраль–ноябрь 2007 г. Источник: [15, с. 67, 175].

Лучшая защита от безработицы — наличие высшего образования. У его обладателей шансы попасть в категорию безработных самые низкие: 8,2% среди 20–24-летних и 3,5% среди 25–29-летних. Самый высокий уровень безработицы у молодежи с основным общим образованием — 20,6% у 20–24-летних и 14,0% у 25–29-летних⁴. На лиц со средним и основным общим образованием приходится самая большая часть безработных (более 45% в той и другой возрастной группе), что свидетельствует о низкой конкурентоспособности одного школьного образования в условиях современной экономики.

Чем старше молодежь, тем больше риск безработицы зависит от уровня образования. Если в группе «до 20 лет» разница между самым высоким и самым низким показателями уровня безработицы в разных образовательных подгруппах — 1,5 раза, то в группе 20–24-летних — 2,5 раза, а в группе 25–29-летних — 4 раза. То есть риски безработицы снижаются и с общим накоплением человеческого капитала, в частности, с получением опыта работы. Вместе с тем наиболее выгодные позиции на рынке труда обеспечивает высшее образование. Это

⁴ Подгруппа «Начальное общее, не имеют начального» не учитывается в анализе из-за ее незначительной относительной численности.

обстоятельство, наряду с прочими, является для молодежи мощным стимулом к получению высшего образования и формирует ее реальное поведение в образовательной сфере.

На вероятность «оседания» молодежи в безработице непреложно и сильно влияет экономическая конъюнктура. Данные на рис. 4 демонстрируют, как в кризисном 1998 г. существенно вырос уровень безработицы среди молодежи, причем воздействие экономической конъюнктуры было тем сильнее, чем младше группа. В 1998 г., в сравнении с предыдущим годом, уровень безработицы всего населения повысился на 1,4 процентных пункта, в то время как среди лиц до 20 лет это повышение составило 4,3 п.п., в группе 20–24-летних — 3,9; 25–29-летних — 1,5 п.п. То есть более уязвимыми были впервые выходящие на рынок труда «недообразованные» и самые молодые кадры, а также выпускники средних профессиональных и высших учебных заведений.

В условиях глобального кризиса, начавшегося осенью 2008 г., уровень безработицы и общая численность ее жертв стали быстро расти и достигли пика в феврале 2009 г. (соответственно 9,5% и 7107 тыс. чел.), конъюнктурно несколько снизившись к концу того же года (в декабре — 8,2% и 6173 тыс. чел.). Самый высокий уровень безработицы отмечается в группе 15–19-летних (33,4%), и очень существенный — в группе 20–24-летних (16,4%). Если сравнить с ситуацией последнего благополучного 2007 г., то превышение соответственно составляет 9,4 и 5,4 процентных пункта. То есть более ущемленными оказываются самые молодые, ищущие первую работу. В среднем среди молодежи в возрасте 15–24 лет уровень безработицы в декабре составил 18,4%; таким образом, уровень безработицы в этой группе превышает уровень безработицы среди населения в возрасте 30–49 лет в 2,7 раза [3, 4]. Такое положение дел отчасти объясняется тем, что государство искусственно сохраняет рабочие места тех, кто уже работает, тогда как на молодых людей, которые ищут свою первую работу или работу по полученной специальности, искусственные меры сдерживания безработицы не распространяются. Более того, молодежь сталкивается с комплексом специфических проблем: отсутствием опыта работы, которого требует работодатель, собственными завышенными ожиданиями и проч.

Существенно осложняет проблемы первого трудоустройства структурная безработица, возникающая в результате несоответствия структур спроса и предложения рабочей силы. Основная причина появления структурного дефицита заключается в низком социальном потенциале вакантных рабочих мест: относительно низком уровне предлагаемой заработной платы (особенно молодым новичкам), преобладании предложений в бюджетной сфере или в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве — тех сферах, в которых труд

сегодня мало популярен среди молодежи. Кроме того, следует учитывать, что этот вид безработицы связан с изменениями в технологиях производства, а также с изменением спроса на товары и услуги. Такая безработица в России, по оценкам специалистов, будет преобладать в условиях нынешнего кризиса. Именно поиск подходящей работы по специальности является одной из основных проблем трудоустройства для выпускников учебных заведений всех видов профессионального образования, существенно увеличивая масштабы безработицы для этих категорий молодежи.

Об этом можно судить по динамике численности безработных в группе молодежи «от 20 до 24 лет», то есть в возрасте массового окончания высших, а также отчасти и средних профессиональных учебных заведений. В 1992 г. на лиц в возрасте «до 20 лет», «20–24 года» и «25–29 лет» приходилось соответственно 34,6%, 39,2% и 26,1% молодых безработных. С бурным ростом подготовки молодых специалистов в высшей школе число и доля лиц в возрасте 20–24 лет среди безработных нарастает, в 2007 г. соответствующие показатели составили 21,7%, 49,4% и 28,9% [16, с. 133, 146; 17, с. 131, 143]. Начавшийся кризис еще более ухудшил позиции данной категории молодежи: в декабре 2009 г. среди молодых безработных, не имеющих трудового опыта, соотношение трех возрастных групп составило 22,1%, 61,6%, 16,3% [4].

Реструктуризация занятости молодежи

Формирование отраслевой занятости молодежи в пореформенный период складывалось под влиянием целого ряда трансформационных процессов, связанных с переходом современной экономики от массового производства материальных благ к производству услуг и информации. Наиболее обобщенным показателем, фиксирующим перемены в занятости, может служить динамика численности занятой молодежи в основных отраслях экономики. Информационные ограничения позволяют построить сравнительный ряд данных только в интервале 1987–2004 гг., то есть сопоставить устойчивое положение, характерное для конца советской эпохи, и ситуацию, сложившуюся в результате кардинальных экономических трансформаций в России⁵.

⁵ Данные государственной статистики о занятых в возрасте до 30 лет по отраслям экономики РФ отсутствуют за 1988–1994 гг. и прекращают фиксироваться после 2004 г. Именно в этот год использовавшаяся ранее советскими и российскими органами государственной статистики общероссийская классификация отраслей народного хозяйства (ОКОНХ) была заменена общероссийской классификацией видов экономической деятельности, продукции и услуг (ОКДП), и с 2005 г. Росстат отказался от дальнейшей разработки данных по ОКОНХ. Имеющихся статистические данные по ОКДП не достаточно для анализа динамики изменений.

В указанный период общая численность занятой молодежи сократилась на 17,0%, при этом весьма масштабно (и относительно, и абсолютно) сократилось число рабочих мест в отраслях материального производства: на 47,7% (на 3515 тыс. чел.) — в промышленности, на 43,1% (780 тыс. чел.) — в сельском хозяйстве, на 50,8% (1244 тыс. чел.) — в строительстве, на 35,4% (554 тыс. чел.) — на транспорте. В науке, где существенно ниже в сравнении с перечисленными отраслями абсолютная численность работающих, наблюдался наиболее интенсивный «сброс» кадров — на 79,5%. Напротив, основными создателями рабочих мест оказались отрасли сферы услуг, которые очень сильно расширили число занятых: в торговле прирост на 98,3% (на 1681 тыс. чел.), в государственном управлении — на 345,5% (1289 тыс. чел.), зашкаливающим оказался бы показатель темпов набора молодых кадров в финансовой сфере, если бы в 1987 г. эта отраслевая группа занятой молодежи не была выведена из статистического учета из-за своей незначительной численности. Снижение численности работающей молодежи в здравоохранении (на 11,6%), а также в культуре и искусстве (на 8,8%) шло более низкими, чем в среднем для всей занятой молодежи, темпами; в образовании число занятых сохранилось примерно на дореформенном уровне (снижение на 2,1%). При этом реструктуризация отраслевой занятости в группе молодежи происходила более интенсивно, чем среди всего занятого населения. Среди молодежи, с одной стороны, большими темпами снижалась численность работающих в отраслях материального производства (на 43,8% против 26,1% среди всех занятых), а с другой — более быстро и масштабно шел набор кадров в отраслях услуг и инфраструктуры (торговле, финансах и т. п.) [11, с. 32–33, 42; 23, с. 72].

Более акцентированные процессы изменения отраслевой занятости в группе молодежи обусловлены, помимо прочего, разным масштабом и характером отдачи от инвестиций в человеческий капитал в этой группе и среди занятых старших возрастов. В пореформенное время произошло массовое обесценивание человеческого капитала старших поколений, поскольку значительная часть их знаний и навыков, имевших экономическую ценность в рамках плановой экономики, в новых условиях была девальвирована. Нарращивание ими человеческого капитала, адекватного запросам рыночной экономики, происходило путем переобучения, переквалификации, в ходе массовой смены профессий и секторов занятости. На этом фоне молодые поколения имели преимущества — обретать сразу, в ходе первичной подготовки (разумеется, по мере модернизации системы образования), «свежие» навыки, знания, компетенции и квалификации, которые увеличивали их шансы занимать места в приоритетных секторах, отраслях, предприятиях, профессиях. Кроме того, представители молодой когорты, достигнув возраста завершения профессионального образования, как

правило, отличаются от старших более высоким уровнем общего и профессионального образования.

Результатом столь масштабных перемен стало качественное изменение отраслевой структуры занятости молодежи (табл. 2). В позднее советское время (1987 г.) среди сфер занятости молодежи преобладала промышленность (37,5% занятых в возрасте до 30 лет), далее следовали строительство (11,5%) и сельское хозяйство (9,2%), торговля (8,7%) и транспорт (8,0%); менее востребованными отраслями были образование (6,6%), здравоохранение (5,4%) и наука (3,7%). К 2004 г. доля промышленности, остающейся доминирующей отраслью занятости молодежи, резко уменьшилась (до 23,6% или на 13,9 процентных пункта). При этом столь же интенсивно происходил рост численности молодых работников в сфере торговли (до 20,8%), которая по данному показателю переместилась с четвертого на второе место среди отраслей и стала равновелика строительству, транспорту, а также сельскому хозяйству вместе взятым. Строительство, стоявшее на втором месте, теперь спустилось на шестое–седьмое место. В советский период позиция «молодежь — на стройке коммунизма» была не только идеологическим лозунгом и призывом, но реальным фактом биографии сотен тысяч юношей и девушек, главным образом тех, кто, мигрируя из сел и малых поселений в города, начинал трудиться, прежде всего, на стройке⁶. Массовый отказ молодежи от тяжелого физического труда, который раньше касался, прежде всего, сельского хозяйства, теперь распространился и на строительство, отчасти на транспорт в крупных городах, ткацкое и швейное производство. Эти рабочие места теперь занимают мигранты-гастарбайтеры, главным образом, из ближнего зарубежья.

Увеличился вклад в совокупную занятость молодежи каждой из отраслей нематериального производства (кроме науки). Наряду с торговлей, значительное увеличение численности молодых кадров происходило в сфере управления, которая по данному показателю оказалась на третьем месте (здесь теперь работает каждый десятый молодой работник), также заметным был прирост молодых кадров в образовании (четвертое место в списке — 7,8%). Менее популярны среди молодежи сферы социально-бытового обслуживания (здравоохранение — 5,7% занятой молодежи или 8-е место, жилищно-коммунальное хозяйство — 3,5% или 9-е место). В финансовой сфере, где 20 лет назад было занято статистически не учитываемое число

⁶Существовала типичная модель профессионально-территориальной мобильности: от работы «под открытым небом» (на селе) — через промежуточную позицию в «полузакрытом помещении» (на стройке) — к работе «под крышей» (на заводе или фабрике). Мигрировали из села обычно молодые люди.

лиц в возрасте до 30 лет, теперь сосредоточена доля занятых (1,8%), которая превышает не только показатель занятых в науке (0,9% — наименьший из всех рассматриваемых отраслей), но и удельный вес молодежи, работающей в культуре и искусстве (1,6%).

Таблица 2

Распределение занятых в возрасте до 30 лет по основным отраслям экономики в 1985 и 2004 гг., РФ, %, ранг

Отрасли экономики	Распределение занятых до 30 лет, %		Ранг	
	1987	2004	1987	2004
Промышленность	37,5	23,6	1	1
Сельское и лесное хозяйство	9,2	6,3	3	5
Строительство	11,5	6,2	2	6-7
Транспорт	8,0	6,2	5	6-7
Связь	1,2	1,4	11	12
Оптовая и розничная торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение	8,7	20,8	4	2
Жилищно-коммунальное хозяйство, непроизводственные виды обслуживания населения	2,2	3,5	9	9
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	5,4	5,7	7	8
Образование	6,6	7,8	6	4
Культура и искусство	1,5	1,6	12	11
Наука и научное обслуживание	3,7	0,9	8	13
Финансы, кредит, страхование		1,8	(13)	10
Управление	1,9	10,2	10	3

Источники: [11, с. 42; 23, с. 72].

В итоге суммарная доля отраслей материального производства в совокупной занятости молодежи сократилась с 67,4% до 43,7% (или на 23,7 процентных пункта) и, напротив, доля отраслей нематериального производства резко выросла и стала преобладающей (с 30,0% до 52,3%, или на 22,3 процентных пункта)⁷.

Отличия отраслевой структуры занятости молодежи

Отраслевая занятость молодежи всегда определенным образом отличается от занятости основного работающего населения. Вместе с тем в пореформенное время изменились многие векторы этих отличий. В условиях советской экономики (в 1987 г.) среди лиц в возрасте до 30 лет доля занятых в самых массовых отраслях материального

⁷ Сумма отраслей материального и нематериального производства меньше 100% за счет неучтенной статьи «другие отрасли».

производства была значительно выше, чем среди всего занятого населения. Такое превышение, назовем его дельта (Δ), равнялось в промышленности +3,6 процентных пункта, в строительстве +1,1 п.п., в сельском хозяйстве +0,7 п.п. (рис. 5). И, напротив, в ряде отраслей непродуцированной сферы молодежь имела рабочие места реже, чем все занятые (Δ была отрицательной в ЖКХ, образовании, науке) или наравне с ними (Δ равнялась нулю в торговле, культуре, управлении).

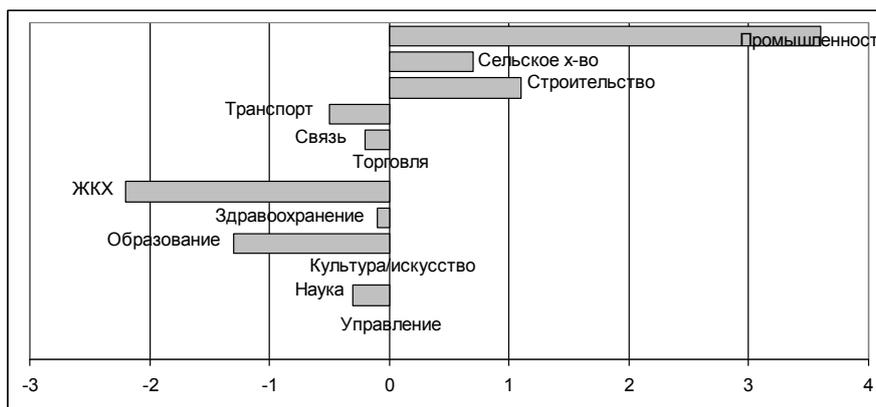
К началу 2000-х гг. меньший вклад в совокупную занятость молодежи, в сравнении со всеми занятыми, стали вносить все отрасли материального производства: сельское хозяйство ($\Delta = -1,5$ п.п.), транспорт и связь ($\Delta = -1,5$ п.п.), промышленность ($\Delta = -0,3$ п.п.), строительство ($\Delta = -0,1$ п.п.). В отраслях нематериального производства векторы отличий оказались разнонаправленными. С одной стороны, в структуре занятости молодежи более масштабно, чем в структуре всех занятых, стали представлены отрасли, где концентрируются рабочие места вновь созданной и резко расширившейся рыночной инфраструктуры: торговля ($\Delta = +4,4$ п.п.), управление ($\Delta = +2,8$ п.п.), финансовый сектор ($\Delta = +2,2$ п.п.). С другой стороны, напротив, меньше оказался удельный вес отраслей, где сосредоточены бюджетные рабочие места: здравоохранение ($\Delta = -1,8$ п.п.), образование ($\Delta = -1,6$ п.п.), жилищно-коммунальное хозяйство ($\Delta = -1,1$ п.п.).

Таким образом, изменилась конфигурация отличий отраслевой занятости молодежи по сравнению со всем занятым населением. В советский период, когда экономика развивалась в условиях закрытого общества и рабочая сила черпалась только из внутренних ресурсов, на молодые когорты, вопреки их большому образовательному потенциалу, перекладывался большой груз занятости в наиболее «тяжелых» отраслях труда: в сфере материального производства и там, где был большой дефицит работников, — в секторе малоквалифицированного труда. Общество решало проблему подобного дефицита за счет перемещения бремени «тяжелого» труда на молодых работников и особенно — на начинающих свой трудовой путь. Это порождало стабильно высокую внутригенерационную профессиональную и социальную мобильность молодежи. Тот факт, что она была в России гораздо выше, чем в других восточноевропейских странах, зафиксировало сравнительное международное исследование трудящейся молодежи тех лет [29, с. 218–227]. Для профессиональной траектории молодежи было во многом характерно низкостатусное начало пути, часто занятие физическим трудом и порой определенное внеэкономическое принуждение (работа по комсомольским путевкам, идеологизация героики труда рабочего и т. п.).

Сегодня у молодых, выходящих на рынок труда, выбор профессии оказывается более свободным, что происходит благодаря освобождению личности в новой России (разрешению предпринимательства,

товарно-денежных обменов, выезда за границу, территориальной мобильности и т. п.), а также в результате все более глобализирующегося рынка труда. Распределение занятой молодежи по отраслям, в сравнении со всем населением, теперь отличается, прежде всего, тенденциями прогрессивного структурного изменения, соответствующими трендам развития постиндустриальной экономики.

1987 г.

2004 г.

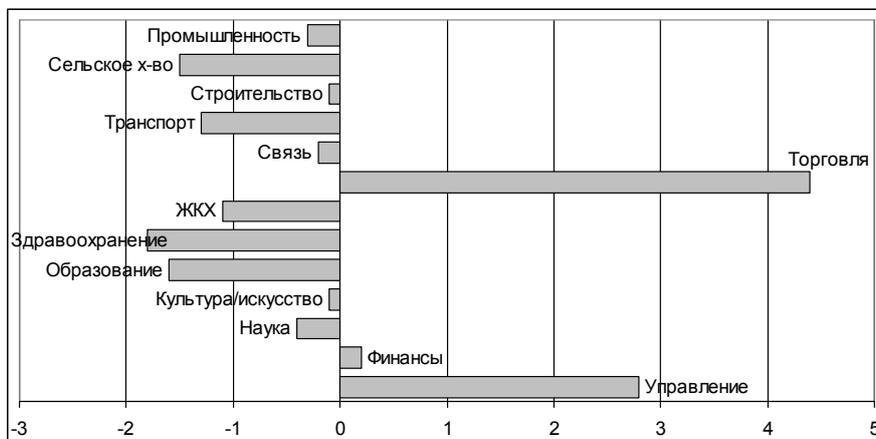

Рис. 5. Дельта (Δ) между долей занятых среди молодежи до 30 лет и долей занятых среди всего населения по отраслям, РФ, 1987 и 2004 гг.

Источники: [11, с. 32–33; 23, с. 72].

Специфика профессиональной занятости отдельных возрастных групп

Структура профессионально-квалификационной занятости молодежи разного возраста складывается под влиянием специфики образовательного состава отдельных возрастных групп. На табл. 3 представлены данные о распределении занятых по группам укрупненных профессий.

Характер занятий малочисленной группы молодежи младшего возраста (до 20 лет), формирующейся из выпадающих из «погоны за образованием», отличает очень высокий удельный вес неквалифицированных рабочих (27,2% от всех занятых в возрасте до 20 лет) и рабочих сельского и лесного хозяйства (20,5%). Доля квалифицированных рабочих (13,5%) близка среднему показателю по всему занятому населению. Это означает, что выбирающие стезю квалифицированного рабочего в индустрии успевают обучиться этому труду к 20 годам. Совместно с небольшой группой полуквалифицированных рабочих (5,7%) в сумме рабочие промышленности, строительства, транспорта и сельского хозяйства составляют 66,9% этого контингента. Среди профессий непроектной сферы большая часть (19,8%) — это работники торговли и сферы обслуживания, и меньшая (13,3%) — профессии преимущественно умственного труда (специалисты среднего уровня квалификации, успевшие к 20 годам закончить ССУЗы, и группа служащих). Таким образом, у рано выходящих на рынок труда высока вероятность получить работу низкой квалификации, в менее престижном производстве или отраслевом секторе, то есть начать профессиональную траекторию со «слабых» позиций, а в худшем случае — закрепиться в них надолго.

Совершенно по-иному выглядит профессиональное распределение молодежи 20–29 лет. Профессиями преимущественно умственного труда заняты 43,2% этой группы, что чуть выше, чем во всем занятом населении. Подобное превышение показателей наблюдается по всем группам занятий умственного труда, кроме руководителей, что свидетельствует о более высоком уровне профессионального образования, которого достигает молодая когорта в сравнении со старшими поколениями. Профессиями специалистов высшего уровня квалификации занята пятая часть контингента 20–29-летних, специалистов среднего уровня — шестая часть. Группа работников торговли, сферы обслуживания и ЖКХ также несколько более многочисленна среди 20–29-летних, чем среди всех занятых (18,0% против 14,0). Профессии рабочих менее распространены среди людей в возрасте 20–29 лет (38,7%), чем занятия специалистов, служащих и руководителей (в сумме). Однако квалифицированных рабочих индустрии меньше (15,3%), нежели рабочих средней и низкой квалификации индустрии и сельского хозяйства (23,4%).

Таким образом, в структуре профессиональной занятости молодежи 20–29 лет (то есть среди молодых людей, в основном завершивших образование), прежде всего, выделяются своими масштабами группы, располагающиеся по полюсам шкалы занятости. Это работники, с одной стороны, с самой высокой квалификацией (руководители, специалисты высшей квалификации — почти четверть всех молодых занятых) и, с другой стороны, с самой низкой (полуквалифицированные и

неквалифицированные рабочие — пятая часть рабочих мест). Одновременно сформировалась отчасти уравновешивающая две полярные группы группа работников сферы обслуживания, торговли, ЖКХ (чуть менее пятой части рабочих мест молодежи). Тем самым профессиональную структуру молодежи 20–29 лет, по сравнению со всем занятым населением, отличает большая сбалансированность.

Таблица 3

Занятое население по профессионально-квалификационным группам (на основной работе) и возрасту, РФ, февраль–ноябрь 2007 г., %

Занятия	Все занятые	В т.ч. в возрасте:	
		до 20 лет	20–29 лет
Руководители органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций, предприятий	6,9	0,4	4,2
Специалисты высшего уровня квалификации	18,0	1,2	19,8
Специалисты среднего уровня квалификации	14,9	8,8	15,8
Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	3,0	2,9	3,5
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	14,0	19,8	18,0
Квалифицированные рабочие сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыболовства	4,5	20,5	3,3
Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	15,0	13,5	15,3
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин и слесари-сборщики	12,3	5,7	10,0
Неквалифицированные рабочие	11,4	27,2	10,1
Всего	100	100	100

Источник: [15, с. 100].

Среди занятых в целом полярность двух вышеназванных доминант выражена сильнее, а работники сферы обслуживания не образуют равновеликую им группу. Общее соотношение между «белыми» (группы с 1 по 5 в табл. 3) и «синими» (группы 6–9) воротничками составляет у 20–29-летних 61,3% против 38,7%, тогда как во всем занятом населении — 56,8% против 43,2%. То есть если профессиональный состав всех занятых РФ все еще сохраняет индустриальный характер, то структура занятой молодежи 20–29 лет в целом соответствует показателям наиболее развитых стран Центральной и Восточной Европы (в Германии соответствующие показатели 66,8% против 33,2%, во Франции — 65,3% против 34,7%, в Чехии и Венгрии — 59% против 41% [31, р. 218, 221, 222]).

Итак, в целом характеристика структуры отраслевой и профессиональной занятости молодых людей и тенденции перемен в ней свидетельствуют о том, что эта структура сегодня существенно больше, нежели прежде, соответствует профессиональным склонностям юношей и девушек. Как показывают многолетние социологические исследования разных групп молодежи, длительное время, на протяжении 1960–1980-х гг., существовало несоответствие структуры субъективных профессиональных стремлений юношей и девушек (с господствующей ориентацией на профессии умственного высококвалифицированного труда) и структуры потребностей экономики в кадрах (предлагавшей в большом объеме вакансии рабочих, занятия в индустрии, сельском хозяйстве и т. п.) [8, с. 118–131; 29, с. 32–35, 73–79]. Профессиональные ориентации молодежи, генерируемые ценностями новой экономики, отличаются от прежних — это стремление к профессиям, которые обеспечивают быструю финансовую самостоятельность и материальную обеспеченность, продвижение и карьеру. И этим ориентациям, укрепившимся в последние 10–15 лет, все в большей степени соответствует сместившаяся структура спроса, предоставляющая в отдельных сегментах, секторах, отраслях, предприятиях, профессиях условия для реализации искомых молодежи возможностей. Запросу молодежи на профессии, предполагающие наличие высшего образования, выводящие в сферу сервисной составляющей экономики, соответствует не только адекватное предложение на рынке образовательных услуг, но и в определенной степени — структура рынка труда. (Здесь мы не касаемся конъюнктурных сокращений спроса на работников «офисного типа» в условиях нынешнего экономического кризиса.)

Особые позиции молодежи на рынке труда: нестандартная занятость

Сложившийся к рубежу веков в результате глубоких трансформационных процессов российский рынок труда характеризуется, с одной стороны, обычным для рыночных экономик набором институтов (законодательные установления в отношении оплаты труда, продолжительности рабочего времени, трудового права, системы страхования по безработице и проч.), с другой — особыми механизмами «русской адаптации» этого институционального устройства. Систематизированный анализ российского рынка труда приводит экономистов к выводу, что его «действительный институциональный фундамент... составляют не столько законы и контракты, сколько разного рода неформальные отношения и практики» [6, с. 26–34]. Существенное воздействие на трудовые отношения и степень защиты занятости работников оказывает также сегментация рынка труда. Большая степень защиты распространяется только на центральное ядро экономики (главным образом

крупные и средние предприятия), где трудящиеся имеют преимущества в виде более высокой зарплаты, широкого спектра льгот и гарантий, защиты от увольнения и т. д. Наряду с ним образуются сектора и анклавов, гораздо менее обремененные обеспечением гарантий занятости, а кроме того, есть «периферия» (малые предприятия, ПБОЮ-Лы, самозанятость) и неформальный сектор, полностью свободные от формальных регуляторов. Там оседают работники с более слабыми конкурентными позициями, в частности не имеющие опыта работы молодежь.

Выходя на рынок труда, молодежь часто вынуждена соглашаться (хотя порой и выбирает это осознанно) на неполную, случайную, временную, неформальную занятость, на несвоевременную, скрытую, теневую, натуральную оплату труда, нарушение института контракта или договорных обязательств, «непрозрачность» условий при найме на работу, решение трудовых споров без участия государства и т. п. Охватывая всю социально-трудовую сферу, эти явления сказываются на положении молодежи в сфере занятости, модифицируя ее образовательные и профессиональные траектории.

Вся эта неформальная сфера труда является одной из составляющих более широкого явления нестандартной занятости⁸. Ее распространение отражает новейшие тенденции в развитии рынка труда. Новая экономика и основанное на ней информационное общество, быстрая смена технологий, процессы глобализации и многое другое с конца XX века и тем более в XXI веке ведут к постепенному сокращению традиционной занятости на постоянной основе и с полным рабочим днем и возникновению новых форм гибкого использования рабочей силы, большой ее мобильности как внутри фирм, так и на внешних рынках труда. Сегодня занятость все чаще отличается меньшей стабильностью, все больше новых рабочих мест изначально создаются как непостоянные и тем самым незащищенные от различных рисков. В России общемировая тенденция увеличения лабильности занятости ведет к еще большему усилению и разрастанию фактически неформализованных трудовых отношений.

Исторически в 1990-е гг., в период наиболее кардинальных перемен, неформальный сектор выполнил важную социально-экономическую функцию: предоставив части россиян возможность заработать, он амортизировал сокращение занятости в формальном секторе и тем самым смягчил социальное напряжение в обществе [25, с. 63]. Сходную социальную функцию неформальная занятость выполняет и в решении проблем выхода на рынок труда молодых поколений — позволяет им гибко обеспечивать себя доходом в период наиболее уязвимого с точки зрения конкурентоспособности этапа —

⁸ Более подробно об этом, а также библиографию см. в [5].

начального выхода на рынок труда. Иначе неформальная занятость не была бы столь распространена среди молодежи, особенно самых младших возрастов: если во всем населении доля занятых в неформальном секторе от общей численности занятых в экономике с 2001 до 2007 г. возросла с 12,5% до 17,1%, то в возрастной группе «до 20 лет» — соответственно с 23,0% до 38,6% (рассматриваемые показатели в следующей возрастной группе «20–24 года» близки, а в группе «25–29 лет» — равняются средним) [30, с. 93].

Многие формы нестандартной занятости популярны среди молодежи. Так, все большее распространение в 1990–2000-е гг. получают временная (срочные договоры, замещение временно отсутствующих, сезонная, разовая работа, ученичество) и случайная занятость (крайне краткосрочный характер трудовых отношений без какого-либо официального их оформления) [12, с. 19, 143, 174]. В 2004 г. только в формальном секторе доля работающих на временной и случайной основе составляла у 15–19-летних 31% среди городской и 45% среди сельской молодежи, соответственно 10% и 15% в группе «20–24 года» и 6% и 9% в группе «25–29 лет». В неформальном секторе доля временно и случайно занятых еще выше: в городе она равнялась 60% в группе «до 20 лет», 51% в группе «20–24 года» и 46% у 25–29-летних, а в селе — соответственно 28%, 50%, 39% [19, с. 82].

Распространенность различных форм нестандартной занятости среди молодежи, особенно самых младших ее возрастов, есть свидетельство определенной ущемленности ее позиций на рынке труда. Вместе с тем нестандартную занятость молодежи нельзя оценивать однозначно отрицательно. Более верной может быть формула: недостатки таких форм занятости являются прямым продолжением их достоинств, особенно ценных именно для начала трудовой траектории. В целом, неоднородность рабочих мест вызвана разнообразными причинами, часть из них имеют отношение к предложению на рынке труда, часть — к спросу. Заинтересованность работодателя или предпринимателя (самозанятого) связана с возможностью быстро и без потерь адаптироваться к колебаниям рыночной конъюнктуры, структурным изменениям, решению внутрифирменных задач и проч. путем предоставления рабочих мест нестандартной занятости. Заинтересованность работника связана с рядом преимуществ, которые такие формы занятости дают: это возможность иметь доход или заработок, если нельзя найти постоянную работу, большие резервы свободного времени, возможность совмещать несколько занятий. От такой работы легко и просто отказаться в случае необходимости.

Эти преимущества важны для молодых людей на этапе поиска, «притирки» к такому месту работы, занятию, сфере деятельности, которые они сочтут для себя приемлемыми и достойными. Преимущества

временной, случайной, неформальной занятости в полной мере используются сегодняшней учащейся и студенческой молодежью, важным элементом жизни которых стало совмещение учебы и работы. По результатам исследования вторичной занятости студентов вузов, проведенного сектором социологии образования ИС РАН, на старших курсах работают 39,1% опрошенных. Причем среди неработающих 81,1%, что составляет еще 49,4% от общего числа студентов 4-х курсов, хотели бы работать, если бы им удалось найти работу [9]. Те же тенденции обнаруживают другие исследования⁹. Важным стимулом к работе во время учебы для студентов является потребность в начальной трудовой адаптации, возможность получить трудовой опыт и подтверждение своей производительности, которых настоятельно требует работодатель при выходе молодежи на рынок труда после окончания учебного заведения. Одновременно широкое распространение совмещения учебы в вузе с работой удешевляет стоимость фактического обучения, что увеличивает доступность высшего образования для материально мало защищенных слоев населения.

Таким образом, нестандартная занятость становится важным инструментом профессиональной адаптации молодежи. Она способствует реализации права на самозанятость, более свободному поиску и выбору профессии, увеличению шансов найти работу и источник дохода вообще, помогает более гибко строить стратегию соотношения и/или чередования занятости в сфере труда и учебы. Вместе с тем в сочетании с низкими образовательными ресурсами нестандартная занятость может увеличивать риск надолго задержаться на периферии рынка труда, где работники чаще обречены на нестабильную, мало-квалифицированную и низкооплачиваемую работу.

В результате динамических и структурных трансформаций занятости молодежи в пореформенные годы существенно изменились общие рамки формирования ее образовательных и профессиональных траекторий. Перемены соотношения между «занятыми через образование» и занятыми в трудовой сфере отодвинули возраст выхода большей части молодежи на рынок труда. В отраслевом и профессиональном плане занятость молодежи в большей мере, нежели занятость всего населения, сегодня отвечает современным трендам развития экономики, а структура занятости молодых людей в существенно большей степени, нежели прежде, оказалась приближенной к структуре их профессиональных предпочтений.

⁹ В 2006 г. руководители учебных заведений оценивали масштабы подработки студентов дневной формы обучения. По их мнению, на младших курсах работает каждый пятый студент вуза и каждый девятый студент ССУЗа или ПУ; на старших курсах соответственно — почти каждый второй и почти каждый четвертый [26, с. 230].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вознесенская Е.Д., Хохлушкина Ф.А. Образовательные и профессиональные траектории выпускников учебных заведений довузовского профессионального образования // Социология образования. 2009. № 2.
2. Демографический ежегодник России, 2001. М.: Госкомстат России, 2001.
3. Занятость и безработица в Российской Федерации в I квартале 2009 года по итогам обследований населения по проблемам занятости [online]. Дата обращения 09.02.2010. URL: <http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/71.htm>.
4. Занятость и безработица в Российской Федерации в декабре 2009 года (по итогам обследований населения по проблемам занятости) [online]. Дата обращения 09.02.2010. URL: <http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/12.htm>.
5. Карабчук Т.С. Непостоянная занятость и социальная стратификация / Социологический журнал. 2009. № 3.
6. Капелюшников Р. Российская модель рынка труда / Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3 (71).
7. Когда наступает время выбора. Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений / Отв. ред. Г.А. Чердниченко. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
8. Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999.
9. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Л., Чердниченко Г.А. Работающий студент: мотивы, реальность, проблемы // Система воспитания в высшей школе: аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования: Вып. 12. М.: ФИРО, 2009.
10. Константиновский Д.Л., Чердниченко Г.А. Система образования: открытые двери или дифференциация возможностей? // Россия реформирующаяся. Ежегодник-2003 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИС РАН, 2003.
11. Народное хозяйство РСФСР в 1988 г.: Ст. еж. М.: Финансы и статистика, 1989.
12. Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
13. Образование в Российской Федерации: 2007: Стат. ежегодник. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
14. Образование и наука в процессе реформ. Социологический анализ / Ред.-сост. Д.Л. Константиновский, Л.П. Веревкин. М.: ЦСП, 2003.
15. Обследование населения по проблемам занятости, ноябрь 2007 г. М.: Росстат, 2007.
16. Российский статистический ежегодник, 2001. М.: Госкомстат, 2001.
17. Российский статистический ежегодник. 2008. М.: Росстат, 2008.
18. Россия в цифрах. 2009: Краткий стат. сб. М.: Росстат, 2009.
19. Рыжиков И.В. Отдельные аспекты занятости и безработицы среди молодежи / Вопросы статистики. 2006. № 5. С. 82.

20. Статистический бюллетень № 7 (147). М.: Росстат, 2008.
21. Труд и занятость в России: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1999.
22. Труд и занятость в России: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001.
23. Труд и занятость в России. 2005. М.: Росстат, 2006.
24. Труд и занятость в России. 2007. М.: Росстат, 2007.
25. Устинова С.С. Теоретические аспекты рынка труда в России // Рынок труда и занятость: современные проблемы теории и практики. М.: РАГС, 2004.
26. Учреждения профессионального образования: условия деятельности и основные стратегии в оценках руководителей / Вопросы образования. 2009. № 1.
27. Чердниченко Г.А. Новое в образовании и профессиональной деятельности молодежи // Социологические исследования. 2009. № 7.
28. Чердниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории выпускников средних школ // Социология образования. 2009. № 1.
29. Чердниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь: социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства. М.: Мысль, 1985.
30. Экономическая активность населения России. 2008: Стат. сб. М.: Росстат, 2008.
31. Yearbook of labor statistics. 2008 / ILO. Geneva, 2008.